

С.Ю. Серёгичев

Эволюция исламского фундаментализма в Египте и Судане в 1970–1980-е годы: сравнительный анализ

Статья посвящена сравнительному анализу эволюции египетских и суданских исламо-фундаменталистских движений в 1970–1980 годы. Автор рассматривает также вопрос существования на практике «типовой» модели исламизма.

Ключевые слова: Египет; Судан; ассоциация «Братья-мусульмане»; исламо-фундаментализм.

В отечественной литературе достаточно подробно изучены исламистские движения и организации в Египте и Судане, их деятельность, в том числе отношения с государственными структурами, причины возникновения, основные этапы истории. Вместе с тем практически не ставилась задача сравнительного анализа египетского и суданского исламо-фундаменталистского движений в период с 1970 и по конец 1980-х годов.

Как известно, египетские и суданские исламисты ведут свое происхождение от одной и той же организации — ассоциации «Братья-мусульмане» (АБМ). Тем не менее их теория и практика завоевания политической власти в итоге пошли разными путями развития. В чем причина такого положения дел? Можно ли вообще говорить о каком-либо сходстве египетской и суданской «ветвей» исламо-фундаментализма? Существует ли на практике универсальная, типовая модель исламизма? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить в этой статье.

Начнем с родины ассоциации «Братья-мусульмане» — Египта. Отправной точкой нам послужит трагическая кончина 28 сентября 1970 года президента Объединенной Арабской Республики и признанного лидера всего арабского мира Гамалы Абдель Насера. Его смерть привела к власти Анвара Садата.

Стремясь удержать полученную власть, Садат провел чистку высших египетских партийных и государственных органов от левых насеристов и марксистов и активную инфильтрацию садатовцев во властные и общественные структуры всех уровней. Все это проводилось вкупе с «реабилитацией и восстановлением в званиях офицеров, уволенных из армии в 1960-х годах, освобождением из тюрем политических заключенных, в том числе и видных деятелей запрещенной в 1954 году ассоциации “Братья-мусульмане”» [3: с. 162].

Опора Садата на исламистов, сохранивших, несмотря на жесткие репрессии со стороны властей в 1950–1960-х годах, широкую и хорошо разветвленную

социальную базу в Египте, вовсе не случайна. Новый египетский лидер видел в них неплохой противовес опасности «левого реванша» в лице уже упомянутых левых насеристов и марксистов, а поэтому на первых порах всячески поощрял (при этом официально не легализуя ассоциацию «Братья-мусульмане») деятельность исламских фундаменталистов.

Садат первым из светских арабских лидеров решил использовать набирающих все большую популярность исламистов, превратив их в эффективное орудие своей политики. Ему это было нужно, чтобы сбить накал страстей из-за все увеличивавшийся пропасти между немногими очень богатыми египтянами, наживавшимися на политике «инфитаха», и остальными, с трудом выживавшими в разросшихся сверх предела городах долины Нила с их постоянно ухудшающейся инфраструктурой и экологией.

Для этого он стал старательно выстраивать непривычный для светского и националистического Египта имидж «верующего президента», регулярно появляясь на пятничной молитве в окружении журналистов и фоторепортеров ведущих печатных СМИ страны [2: с. 164]. Действуя далее в этом духе, Садат вскоре «перекраивает» основной закон страны под новые исламистские реалии: конституция, принятая 11 сентября 1971 года на общеегипетском референдуме, содержала статью 2 главы 1 «Основы государства», где прямо говорилось о том, что «исламский закон (шариат) — основной источник законодательства» [13].

Значительное место в египетском исламо-фундаменталистском движении 1970–1980-х годов продолжала занимать АБМ, стоявшая на позициях салафитов-охранителей [6: с. 181] и получившая возможность полулегально работать. АБМ должна была стать опорой нового египетского руководства во главе с Анваром Садатом, а потому во второй половине 1971 года в вузах и на предприятиях страны с целью окончательного искоренения из сознания народных масс «атеистического марксизма» вкупе с «христианско-коммунистическими левыми» стали образовываться исламские комитеты («аль-гамаа аль-ислямийя»), где ключевые позиции занимали «Братья» [1: с. 58].

Целью АБМ в садатовский период была легализация их движения путем приобретения статуса партии, имеющей госрегистрацию. Власти, зная об этом, всячески заигрывали с исламистами, то давая им надежду получить официальный статус, то лишая ее. Долго так продолжаться, естественно, не могло. Развязка наступила в 1977–1979 годы: «Братьям» было окончательно отказано в регистрации их партии, на это наложилась острая критика исламистами социально-экономических итогов политики «инфитаха», провал которой стал очевиден.

В ответ на яростную критику АБМ египетское правительство потребовало от ассоциации немедленно прекратить заниматься политикой и ограничило их издательскую деятельность. Однако к этому времени на арене политического ислама ее стали постепенно теснить группировки гораздо более экстремистского характера, чем «Ихванийя». В отечественной науке принято увязывать появление

радикальных исламистских групп с образованием «Гамаат аль-муслимин» («Община мусульман»), вошедшей в анналы египетской политической истории под названием «Ат-Такфир ва аль-хиджра» («Обвинение в неверии и уход из общества»), основателем которой в 1971 году стал Шукри Мустафа [8: с. 60]. В основе идеологии «Ат-Такфир» лежал «охранительный фундаментализм реформаторского типа» [6: с. 192], видевший идеал мусульманской общины в мединской общине.

В то же время зарубежная англоязычная историография за точку отсчета возникновения египетских исламских радикалов берет иную, не менее известную, группировку — «Группу военной академии» (ГВА). Она была создана палестинцем Салихом Саррией в 1971 году из молодых (средний возраст 22 года) прихожан негосударственных мечетей, студентов и выпускников Каирского и Александрийского университетов, выходцев из средней и низшей страты среднего класса, а также из деревни [12: с. 117].

ГВА делала ставку на вооруженный переворот силами «элитного корпуса верующих», который должен скинуть с вершины властной пирамиды неверный режим и установить «исламский общественный порядок» [12: с. 117]. С этой целью Саррия и его единомышленники осуществили 18 апреля 1974 года неудачную попытку госпереворота [12: с. 118].

Провал планов ГВА не остановил дальнейшую радикализацию исламистов Египта, наоборот, она лишь побудила идейных последователей Кутба и Маудуди активизировать свои усилия по свержению «джахилийского режима», поднять градус борьбы с ним.

Успех иранских «коллег»-шиитов в 1979 году вкупе с растущим народным недовольством политикой правительства Садата («хлебные бунты» 1977 года) окончательно сформировал в головах лидеров исламистского подполья картину революционного Египта, где осталось сделать только один шаг — убить президента — и тем самым разжечь пламя народной борьбы с режимом.

С этой целью с февраля 1980 году группировка «Аль-Джихад» начала готовить план по захвату власти в стране. Однако события 6–11 октября 1981 года наглядно показали всю ошибочность и ущербность декабристской тактики египетских исламистов «для народа, но без народа».

Провал революционных планов исламских радикалов Египта, не поддержанных широкими массами населения, напуганными чрезмерно одиозными мерами и программами своих «спасителей» от «джахилии», стал своеобразным итогом, с одной стороны, одиннадцатилетнего «эксперимента» Садата по «приручению» исламистов, а с другой — обозначил четкий раскол в исламо-фундаменталистском лагере страны на приверженцев умеренной тактики общественно-политической и идеолого-культурной борьбы в лице АБМ и сторонников агрессивного исламо-экстремизма в лице «Аль-Джихад» и других группировок.

АБМ стояла за трансформацию законными способами по исламскому образцу отдельных сегментов общественной жизни в Египте, превращая, например, студгородки в образцовые лагеря исламских норм и порядков [4: с. 80–81], фактически создавая параллельное светскому и секуляризированному обществу исламское общество, которое в конечном итоге должно поглотить и растворить в себе первое.

В последующее десятилетие АБМ существенно продвинулась в этом направлении: «Братья» получили возможность в рамках избирательных блоков выдвигать своих кандидатов на выборах в парламент (в 1984 году они завоевали 8 депутатских мандатов, в 1987 году — 38 из 60 мест) [1: с. 59–60; 5: с. 149]. Кроме того, в это время «Братьями» была развернута успешная кампания по завоеванию влиятельных позиций в студенческом и профсоюзном движении. Мощное развитие получил и исламский финансовый сектор: сотни египетских исламских инвестиционных компаний к концу 1980-х годов аккумулировали по разным оценкам от 12 до 20 млрд долларов инвестиций [9: с. 123].

Многие авторы при этом отмечают значительно возросшее влияние АБМ на внутривнутриполитические процессы, в частности на законотворческий процесс (например, частичный пересмотр в исламистском ключе в 1985 году Закона о гражданских состояниях 1979 года) [1: с. 40]. В отличие от относительно умеренной АБМ экстремистски настроенные «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа Исламия» продолжили вооруженную борьбу с режимом.

Теперь рассмотрим эволюцию исламо-фундаментализма в Судане 1970–1980-х годов. Отправной точкой здесь нам послужит госпереворот 25 мая 1969 года и приход к власти военной хунты во главе с полковником Джаафаром Нимейри.

Лидер суданских исламистов Хасан ат-Тураби и его соратники попали в тюрьму [7: с. 254]: Нимейри избрал курс на жесткую борьбу с «Братьями», не прекращавшими свою антиправительственную деятельность. Именно в заключении окончательно оформилась политико-идеологическая концепция ат-Тураби.

В основе концепции Исламской Республики Судан лежат следующие принципы: «риба» (запрет на ростовщический процент), «закят» (добровольное пожертвование) и «шура» (совет) [10: с. 33]. Через реализацию запрета на ростовщический процент достигается исламизация банковской сферы. «Закят» же как добровольный налог-пожертвование, призванный помочь бедным, материально неблагополучным людям, позволяет смягчить острое социальное неравенство [10: с. 33]. «Шура» представляет собой систему, охватывающую всю пирамиду власти: от кварталов, деревень до общенационального парламента и президента. Выборы главы государства будут проходить на альтернативной основе [10: с. 33].

В 1970-х годах исламо-фундаменталистское движение в Судане стало коренным образом трансформироваться: началось полное обновление движения.

Оно шло под знаком повышения эффективности и безопасности организации [11: с. 122].

Тем временем на политическом олимпе Судана вновь кардинально изменилась ситуация: 19–22 июля 1971 года группа офицеров суданской армии, поддерживавших Суданскую коммунистическую партию (СКП), предприняли попытку государственного переворота. Она в итоге оказалась неудачной, но в ходе ее осуществления Нимейри и его ближайшее окружение было всего в одном шаге от своей гибели, что навсегда изменило психологию и политику суданского диктатора (он казнил все руководство СКП, хотя еще недавно симпатизировал коммунистам), ставшего с тех пор маниакально подозрительным и недоверчивым и опиравшимся исключительно на армию и спецслужбы. Сокрушительный разгром левых сил и последующие на них гонения расчистили путь суданским БМ для завоевания молодежных симпатий.

В конце 1970-х годов Нимейри оказался в жестком «клинче» с оппозицией: правящий режим не мог полностью уничтожить противостоящие ему вооруженные силы суданской оппозиции, пользующейся поддержкой со стороны иностранных государств, так как мог опираться в борьбе с ней только на силовые структуры, а Национальный фронт (НФ), в свою очередь, не мог свергнуть диктатуру Нимейри, защищаемую преданными ему военными частями.

Исходя из создавшегося положения, руководство страны решило пойти на компромисс с правой оппозицией, путем предоставления ей ограниченного права на участие в политической жизни страны, а также и в процессах управления ее взамен на прекращение подрывной деятельности боевиков НФ.

Но этого Нимейри показалось мало: суданский диктатор вознамерился прочно стабилизировать свою власть за счет превращения Судана в исламское государство.

Для этого он идет на сделку с исламистами. В 1977 году освобождены из тюрьмы Хасан ат-Тураби и его сторонники, через год лидера суданских исламистов ввели в состав политбюро Центрального комитета правящей партии в стране — Суданский социалистический союз (ССС). Наконец, в августе 1979 года Хасан ат-Тураби стал генпрокурором Судана.

В это же время «бойцы» ат-Тураби вслед за своим раисом стали массово проникать в аппарат армии, полиции, службы государственной безопасности, руководство Суданского социалистического союза, распространяя там своё влияние.

Но спасти гибнущую экономику Судана исламизация не могла: в 1984–1985 годах в стране начался полномасштабный голод [3: с. 146]. Закономерным итогом такой политики стал крах в ночь с 5 на 6 апреля 1985 года режима Нимейри.

11 мая 1985 года был образован Национальный исламский фронт (НИФ) во главе с Хасаном ат-Тураби. Именно в это время начинается решительный взлет

суданских исламистов к вершине политического олимпа: поняв, что путем выборов нереально прийти к власти, ат-Тураби сделал ставку на силу. Впервые в истории страны в ночь на 30 июня 1989 года группой исламистски настроенных офицеров армии был осуществлен военный переворот. НИФ и военные встали у руля страны, где и находились вместе до 1999 года.

Таким образом, проанализировав историю египетских и суданских исламистов 1970–1980-х годов мы можем выделить в ней как ряд общих моментов, так и специфические черты, присущие египетскому и суданским вариантам развития исламо-фундаменталистского движения. Что же является общим из того перечня принципиальных моментов эволюции исламского фундаментализма в обеих странах, которые мы разобрали выше? На наш взгляд, таких моментов несколько:

- активное сотрудничество египетских и суданских исламистов с официальными властями в рамках кампании по борьбе с «левой» угрозой (насеристами в Египте и сторонниками СКП в Судане);
- реформы организационно-управленческих структур исламо-фундаменталистских движений и их модернизация в Египте и Судане;
- внедрение египетских и суданских исламских активистов в национальные студенческие и профсоюзные организации и завоевание лидирующих позиций в них;
- формирование солидной финансовой базы исламо-фундаменталистских движений благодаря бурному развитию исламского сектора экономики Египта и Судана;
- проникновение «Братьев-мусульман» в египетские и суданские силовые структуры и осуществление нелегальной агитационной работы среди их личного состава.

Основными отличиями в деятельности египетских и суданских исламистов являются следующие моменты:

- раскол египетского исламо-фундаменталистского движения, в отличие от суданского, на умеренное (ненасильственные действия) и экстремистское крыло (вооруженная борьба с режимом путем террористических атак);
- полная поддержка суданскими «братьями» политики углубленной исламизации страны, проводившейся президентом Нимейри в 1978–1985 годы, в то время как ни Садат, ни Мубарак так и не решились проводить подобный внутривнутриполитический курс, ограничившись лишь самыми необходимыми уступками исламистам, вследствие чего они не располагали сопоставимой с суданским вариантом поддержкой египетских «братьев»;
- легализация исламо-фундаменталистского движения в Судане через создание в 1985 году НИФ и его последующий приход к власти в союзе с исламистски настроенными военными в результате «революции национального спасения» 30 июня 1989 года.

Рассмотрение схожих и отличных черт египетской и суданской «ветвей» исламо-фундаментализма позволяет предположить существование «типовой»

модели для подобных социально-политических движений в странах арабомусульманского мира. Применительно к Египту и Судану основные различия в истории формирования местных исламо-фундаменталистских движений с их характерной спецификой в конечном итоге определялись степенью слабости государственного аппарата и особенно его силовых структур, противостоящих исламистской экспансии. В Египте государство, невзирая на все драматические перипетии истории второй половины XX века, оказалось куда сильнее, чем в соседнем Судане, где проблема Юга, подобно раковой опухоли, разъедала его и подрывала силу. Во многом именно действием этого фактора объясняется степень уступок официального Каира и Хартума рвущимся к власти исламистам.

Литература

1. *Бабкин С.Э.* Движения политического ислама в Северной Африке. М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 2000. 341 с.
2. *Видясова М.Ф., Умеров М.Ш.* Египет в последней трети XX века: опыт либерализации экономики и политической системы. М.: Институт изучения Израйля и Ближнего Востока, 2002. 248 с.
3. История Востока: в 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 гг.). М.: Восточная литература, 2008. 1095 с.
4. *Кепель Ж.* Джихад: экспансия и закат исламизма. М.: Ладомир, 2004. 461 с.
5. *Коровиков А.В.* Исламский экстремизм в арабских странах. М.: Наука, 1990. 170 с.
6. *Левин З.И.* Реформа в исламе. Быть или не быть? Опыт системного и социокультурного исследования. М.: Крафт+, 2005. 240 с.
7. *Поляков К.И.* История Судана. XX век. М.: ИВ РАН, 2005. 510 с.
8. *Ражбадинов М.З.* Радикальный исламизм в Египте (на примере деятельности организаций «Аль-Джихад» и «Аль-Гамаа Аль-Ислямийя»). М.: ИВ РАН, 2003. 274 с.
9. Северная Африка: ислам и общество. М.: Институт Африки РАН, 1999. 125 с.
10. *Хасан ат-Тураби.* Ислам и время // Азия и Африка сегодня. 1994. № 11. С. 32–36.
11. *Abdelwahab El-Affendi.* Turabi's revolution: Islam and power in Sudan. L.: Grey Seal Islamic Studies, 1991. 209 p.
12. *Davidson Ch.R.* Political violence in Egypt: a case study of the islamist insurgency 1992–1997 // A thesis presented to the Faculty of the Fletcher School of Law and Diplomacy. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. April 2005.
13. The Constitution of the Arab Republic of Egypt, 1971. Cairo. 1971.

Literatura

1. *Babkin S.E'.* Dvizheniya politicheskogo islama v Severnoj Afrike. M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2000. 341 s.
2. *Vidyasova M.F., Umerov M.Sh.* Egipet v poslednej treti XX veka: opy't liberalizacii e'konomiki i politicheskoy sistemy'. M.: Institut izucheniya Izrailya i Blizhnego Vostoka, 2002. 248 s.

3. *Istoriya Vostoka: v 6 t. T. 6: Vostok v novejsij period (1945–2000 gg.)*. M.: Vostochnaya literatura, 2008. 1095 s.
4. *Kepel' Zh. Dzhihad: e'kspansiya i zakat islamizma*. M.: Ladomir, 2004. 461 s.
5. *Korovikov A.V. Islamskij e'kstremizm v arabskix stranax*. M.: Nauka, 1990. 170 s.
6. *Levin Z.I. Reforma v islame. By't' ili ne by't'?* Opy't sistemnogo i sociokul'turnogo issledovaniya. M.: Kraft+, 2005. 240 s.
7. *Polyakov K.I. Istoriya Sudana. XX vek*. M.: IV RAN, 2005. 510 s.
8. *Razhbadinov M.Z. Radikal'ny'j islamizm v Egipte (na primere deyatel'nosti organizacij «Al'-Dzhihad» i «Al'-Gamaa Al'-Islamiyya»)*. M.: IV RAN, 2003. 274 s.
9. *Severnaya Afrika: islam i obshhestvo*. M.: Institut Afriki RAN, 1999. 125 s.
10. *Xasan at-Turabi. Islam i vremya // Aziya i Afrika segodnya*. 1994. № 11. S. 32–36.
11. *Abdelwahab El-Affendi. Turabi's revolution: Islam and power in Sudan*. L.: Grey Seal Islamic Studies, 1991. 209 p.
12. *Davidson Ch.R. Political violence in Egypt: a case study of the islamist insurgency 1992–1997 // A thesis presented to the Faculty of the Fletcher School of Law and Diplomacy. In partial fulfillment of the requirements for the Degree Doctor of Philosophy. April 2005.*
13. *The Constitution of the Arab Republic of Egypt, 1971*. Cairo. 1971.

S.Y. Seryogichev

**The Evolution of Islamic Fundamentalism in Egypt and Sudan in 1970–1980:
a Comparative Analysis**

The article is devoted to the comparative analysis of the evolution of Egyptian and Sudanese Islamic fundamentalist movements in the 1970–1980. The author also has considered the issue of existence in practice of «typical» model of Islamism.

Keywords: Egypt; Sudan; the association of «Muslim Brotherhood»; Islamic fundamentalism.